

Джеймс Кервуд

**Долина Молчаливых
Призраков**

Джеймс Оливер Кервуд

Долина Молчаливых Призраков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066520

Аннотация

«Перед тем как стальные рельсы железной дороги врезались в Пустыню, единственным пунктом, через который можно было проникнуть в область приключений и в тайны великого снежного Севера, была пристань Атабаска. Даже до сих пор она так и называется на местном наречии – *Искватам*, то есть дверь, через которую только и можно проникнуть к нижнему течению рек Атабаски, Невольничьей и Макензи. Трудно найти на географической карте эту самую пристань Атабаску, хотя она там и должна была бы значиться, так как история этого места вписана в жизнь человечества более чем ста сорока годами трагедий, приключений и усилий и не так-то легко может забыться. Если ехать по старой дороге, то найдете ее милях в полтораста севернее Эдмонта. Правда, железная дорога приблизила ее к этому крайнему пункту цивилизации, но по ту сторону этой северной границы цивилизации все еще властвует и показывает свою дикость Пустыня так же, как это было и тысячу лет тому назад; а воды рек целого материка все текут и текут по ней на Дальний Север, в Ледовитый океан...»

Содержание

Пролог	4
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джеймс Оливер Кервуд

Долина Молчаливых Призраков

Пролог

Перед тем как стальные рельсы железной дороги врезались в Пустыню, единственным пунктом, через который можно было проникнуть в область приключений и в тайны великого снежного Севера, была пристань Атабаска. Даже до сих пор она так и называется на местном наречии – *Искватам*, то есть дверь, через которую только и можно проникнуть к нижнему течению рек Атабаски, Невольничьей и Макензи. Трудно найти на географической карте эту самую пристань Атабаску, хотя она там и должна была бы значиться, так как история этого места вписана в жизнь человечества более чем ста сорока годами трагедий, приключений и усилий и не так-то легко может забыться. Если ехать по старой дороге, то найдете ее милях в полутораста севернее Эдмонта. Правда, железная дорога приблизила ее к этому крайнему пункту цивилизации, но по ту сторону этой северной границы цивилизации все еще властвует и показывает свою дикость Пустыня так же, как это было и тысячу лет тому назад; а воды рек целого материка все текут и текут по ней на Дальний Север, в Ледовитый океан. Теперь уж может осуществиться мечта земельных скупщиков – самых жадных охотников за деньгами, каких только носит земля. Они уже воспользовались этой железной дорогой, поднялись по ней вверх, а с ними вместе поехали туда и машинистки, и стенографистки, и представители «золотого капитализма», те, кто обманным путем распродает участки негодной земли беднякам, захавшим сюда за тысячи верст от ближайшего жилья, чтобы поискать счастья и, быть может, найти на этих участках золото. Вместе с ними приехали туда и прикрываемые законом сделки по купле, продаже и товарообмену, и глаза хищников уже устремились на все те нетронутые богатства Севера, которые лежат между Великими порогами Атабаски и Северным Ледовитым океаном. Но еще глубже, чем мечта о великих богатствах, укоренилась в этих пришельцах-хищниках вера в то, что духи Пустыни уже отжили свой век и по мере продвижения поездов и рельсов к Дальнему Северу все дальше и дальше отходят к Полярному кругу. Надо думать, что все первые колонизаторы этой Пустыни, все эти страдальцы, которые вели здесь до сих пор борьбу с природой, все эти неизвестные и позабытые тысячи разных Пьеров и Жаклин теперь встали из своих гробов, и их скорбные призраки должны уходить еще дальше на Север, чтобы хоть там найти для себя покой.

Ибо именно эти Пьеры и Жаклин, эти Анри и Мари, эти Жаки и Жанны в течение ста сорока лет открывали и закрывали у Атабаски эту заветную дверь к богатствам Севера. Глаза всех этих Пьеров и Жаклин и им подобных теперь с грустью обращаются на этих бесстрастных пришельцев, бессердечных торгашей. И там, по ту сторону этой заповедной двери, дикий свисток локомотива уже перемежается с их первобытными песнями, стелется над лесами угольная копоть, дедовской самодельной скрипке вторит граммофон. А Пьеры, Анри и Жаки, возвращаясь в свои шалаши из далеких поездок за мехами, уже не чувствуют себя здесь хозяевами. Они уже больше не рассказывают повестей о своих приключениях, не поют своих старых песен, потому что теперь у пристани Атабаски уже появился целый город, с улицами, гостиницами, ресторанами, проститутками и с разными строгими постановлениями, которые обязательны только для честных людей, то есть для всех этих Пьеров, Жаков и Анри, и с легкостью обходятся приезжими эксплуататорами.

Едва только прошли слухи, что по этим местам пройдет железная дорога, как все Пьеры, Жаки и Анри залились веселым смехом, сочтя это за самую настоящую выдумку,

так как, по их наивному мнению, только один дурак мог бы поверить, что железная дорога могла бы пройти сквозь такие дебри и по таким непересыхающим болотам.

– Это, месье, может случиться только тогда, – говорили они между собой, – когда коровы начнут пожирать оленей и когда мы будем сеять наш хлеб в воде.

Но локомотив все-таки пришел, и коровы стали пастись там, где раньше могли ходить одни только олени, и хлеб действительно стали сеять и собирать на осушенных болотах, там, где прежде стояла вода.

Так подошла цивилизация к Атабаске. Здесь, у пристани, появился городок, здесь же стали строить баржи и, нагружая их товарами, спускать к Ледовитому океану. Атабаску у пристани называют просто рекой. Отсюда, как медлительный, но сильный гигант, она катит свои волны навстречу северным морям. На своем пути она впадает в Невольничью, а Невольничья вливается в Большое Невольничье озеро, из узких гирл которого выходит уже река Макензи и несетя дальше до самого океана на пространстве нескольких тысяч миль.

Многое можно услышать и увидеть на протяжении этого великого водного пути. Там жизнь бьет ключом. Там кипят бурные страсти. Там тайны счастливой удачи и романтические грезы. Сказки реки так многочисленны, что не хватило бы для них книг. Они написаны на лицах у мужчин и женщин. Они лежат зарытыми в могилах, столь древних, что на них уже успели вырастать деревья. Все это – трагедии любви, борьбы за любовь. И по мере продвижения все дальше и дальше на Север меняется и содержание этих сказок и повестей. Ибо изменяется мир, изменяется солнце, изменяется сама порода людей. Полгода дня, полгода ночи. А вместе со светом и тьмой меняются и мужчины, и женщины, и сама жизнь. Но Пьер, Анри и Жак встречают эти полгода, распевая старинные песни, поклоняясь все тем же богам, все той же любви, все той же страсти к приключениям. Грохот порогов и завывание бурь не трогают их. Смерть не таит для них в себе ничего ужасного. Они весело борются с ней и торжествуют, когда оказываются победителями. Они просты, как дети, и когда им приходится бояться, то они боятся того же самого, что и дети. Ибо в их сердцах еще много суеверий.

И много они могут рассказать такого, что нагоняет на слушателя жуть и страх. Но ничто не наводит большей жути и большего страха, как их рассказ о длинной руке закона, которая уже дотянулась до них вместе с локомотивом и уже распростерла свою длань на две тысячи миль в глубь Пустыни от пристани Атабаски. Но самой интересной считается у них все-таки повесть о Джиме Кенте и о Маретте, той удивительной маленькой богине Долины Молчаливых Призраков, в жилах которой текла старинная кровь первых поселенцев этого края. Эту-то повесть о тех днях, когда еще железная дорога не дотянулась до пристани Атабаски, мы и хотим предложить читателю.

Глава I

Агент пограничной стражи Джеймс Кент был убежден, что дни его сочтены. Он всецело верил доктору Кардигану, а Кардиган сказал ему, что ему осталось жить только часы, а может быть, даже и того меньше – минуты и секунды. Но в нем все-таки теплилась вера, что он еще протянет два или три дня, но никак не больше.

Когда доктор Кардиган сообщил ему, что конец уже близок, то он недоверчиво улыбнулся. Чтобы та пуля, которой угостил его две недели тому назад в грудь метис, могла задеть аорту, казалось ему просто невероятным. Но так как он обладал удивительной способностью доискиваться до мельчайших деталей каждого факта, то доктор поневоле должен был открыть ему, в чем дело.

После объяснения доктора необходимо было верить уже на основании одного только здравого смысла. Раз смерть была уже у порога, то и ему оставалось действовать решительно, пока еще не ослабели твердый ум и здравая память. Трагедия предстоящего не подавляла его. Тысячу раз в течение своей жизни он видел, как близко соприкасаются между собой трагедия и водевиль, а бывали и такие моменты, когда то и другое разделялись всего одним только мгновением. И много раз он видел на своем веку, как смех переходил в слезы, а слезы превращались в смех. Он всегда смотрел на жизнь как на шутку, в большей или меньшей степени весьма серьезную шутку, но все-таки как на шутку. Он был глубоко убежден, что жизнь как таковая – самая дешевая вещь на свете. Все же остальное имело свои строгие пределы, было в природе взвешено и оценено, как в аптеке.

Столько-то имелось суши и столько-то воды, столько-то гор и долин, столько-то квадратных футов, чтобы иметь возможность жить, и столько-то, чтобы быть похороненным. Все можно было измерить, занести в реестр, всему составить каталог, за исключением одной только жизни. А что касается жизни, то, по его мнению, были бы только подходящие условия, а одна пара могла бы заселить в короткий срок не только одну местность, но и весь мир. Следовательно, как легко может появиться жизнь, так легко она может и угаснуть. Отсюда – ничего нет легче, чем расстаться с жизнью, когда является необходимость.

Но отсюда вовсе не следовало, что Кент не любил жизнь. Ни один человек не любил ее так, как он. Для него она всегда была полна грез и вечного радостного ожидания впереди. Он был поклонником солнца, луны и звезд, лесов и гор; он подлинно любил бытие, боролся за него и в то же время всегда был готов отдать свою жизнь без ропота и в тот час, когда ее потребовала бы от него судьба.

Сидя в подушках, он менее всего походил на человека, совершившего преступление, в котором сознался окружающим.

Через окошко он мог видеть медленное течение великой Атабаски, несшей свои воды к Ледовитому океану. Солнце светило ярко, и он видел далекие густые заросли елей и кедров по ту ее сторону, холмистую поверхность и на горизонте – горы. И через это открытое окно до него доносились вместе с мягким ветерком сладкие запахи любимых лесов.

– Все то, что открывается теперь перед нашими глазами, – сказал он доктору Кардигану, – самое дорогое для меня. И когда со мной случится та миленькая неприятность, которую вы мне сулите, доктор, то я хотел бы уйти из этой жизни с глазами, устремленными вон туда.

И его койку придвинули поближе к окну.

Ближе всех к Кенту сидел Кардиган. Его лицо выражало еще большее недоверие, чем у других. Начальник Кента, инспектор Северо-восточной конной пограничной стражи Кедсти, был еще бледнее той девушки-стенографистки, которая дрожащими пальцами быстро

записывала каждое слово, которое произносилось присутствовавшими. Сержант О'Коннор точно онемел. Маленький гладколицый католический патер-миссионер, присутствия которого в качестве свидетеля потребовал Кент, сидел молча, сложив руки ладонями вместе. За исключением этой девушки-стенографистки, специально приглашенной сюда для записи показаний, все эти лица были близкими друзьями Кента. Он любил разговаривать с патером о странных и таинственных событиях в глухих лесах и на том Севере, который простирался далее за гранью этих лесов. Он любил О'Коннора с его красным лицом, рыжими волосами и большим сердцем; дружба их началась во время долгих совместных скитаний. Но совершенно необычным было для Кента волнение Кедсти. С самого момента своего появления в комнате он озадачил Кента.

Инспектор Кедсти был не совсем обычным человеком. Ему было шестьдесят лет; волосы у него были стального цвета, глаза холодные, почти совершенно бесцветные, и в них надо было бы долго искать, прежде чем найти, отблеск сострадания или страха. Нервы же у него были настолько крепки, что Кент ни разу не видел, чтобы этот человек был хоть слегка взволнован.

А теперь этот самый Кедсти был, видимо, встревожен больше всех остальных. Уже дважды он вытирал себе лоб платком. Казалось, что с него вдруг, как бы по волшебству, слетела та броня, которую до сих пор не могло пробить никакое оружие. Он перестал быть самим собой, тем страшилищем-инквизитором, каким знали его по службе. Он нервничал, и Кент видел, что он борется, чтобы вернуть себе самообладание.

– Да, я убил Джона Баркли, – твердо сказал Кент. – Тот человек, которого вы держите под арестом и готовы присудить к повешению, невиновен.

Инспектор Кедсти командовал отрядом пограничной стражи, который контролировал пространство в шестьсот двадцать тысяч квадратных миль в самых диких местах Северной Америки, простиравшихся за семидесятую параллель к северу на две тысячи миль и заходящих на три с половиной градуса за Полярный круг. Там, на этом громадном пространстве, бригада Кедсти наводила порядок, поддерживала законность, и именно там Кедсти выполнял свой долг так, как не мог бы это сделать на его месте никто другой во всем свете.

И он нагнулся над Кентом так низко, что их лица почти коснулись друг друга, и прошептал голосом настолько низким, что никто из присутствующих не мог его услышать:

– Кент, вы лжете!

– Нет, – ответил Кент, – это правда.

Кедсти откинулся назад и снова отер со лба пот.

– Я убил Баркли, – продолжал Кент, – и притом с заранее обдуманном намерением. Но почему именно я убил его, – этого я вам не скажу. Значит, была серьезная причина.

– Вы отказываетесь открыть мотивы убийства?

– Совершенно.

– Это ваше признание, которое вы делаете перед лицом смерти?

– Да. Доктор Кардиган сказал мне, что я скоро умру. Иначе бы я предоставил арестованного по подозрению человека его участи – повесили бы его, а не меня. Эта проклятая пуля погубила меня и спасла его.

Кедсти обратился к девушке. В течение целого получаса затем она читала то, что записала, и Кент расписался под своими показаниями на последней странице. Потом Кедсти поднялся с места.

– Мы кончили, друзья, – сказал он.

Они направились к выходу. Последним вышел Кедсти. Доктор Кардиган было заколебался, точно желая остаться еще, но Кедсти жестом пригласил его выйти и запер за собою дверь на ключ.

Кент улыбнулся. Теперь все кончено. Согласно постановлению Уголовного кодекса, он знал, что в этот самый момент Кедсти отдает сержанту О'Коннору приказ немедленно же поставить стражу к его двери. Тот факт, что в любой момент Кент мог умереть, не изменял правила применения закона. Он услышал неясные голоса по ту сторону запертой двери, затем замирающие шаги. Потом смолкло все.

Кент кашлянул, выплюнул сгусток крови, отер губы и усмехнулся.

– Да! – проговорил он. – Игра сыграна! Но самым забавным во всем этом является то, что никто никогда не узнает настоящей правды, кроме меня самого и, быть может, еще одного человека.

Глава II

Перед окном Кента цвела весна, торжествующая северная весна, и, несмотря на приближение смерти, он все-таки глубоко впивал в себя эту весну и старался глядеть в окошко так, чтобы его взор мог охватить горизонты как можно шире и наглядеться досыта на тот мир, который он еще так недавно называл своим.

Только год тому назад была отстроена доктором Кардиганом эта больница, в которой он теперь лежал. Именно он, Кент, выбирал тогда для нее это место. В ней еще пахло сладким запахом еловых бревен, срубленных в самой чаще леса. Это дыхание леса несло с собой от стен бодрость и надежду, говорило о неумирающей жизни; до сих пор еще снаружи стучали о бревна дятлы, и по крыше, мягко постукивая лапками, бегали и резвились белки.

– Ну, в таком месте, – воскликнул Кент, когда они выбирали тогда вместе с доктором Кардиганом это место для постройки, – сможет умереть разве только какой-нибудь заморыш!

И теперь таким первым заморышем, глядящим на всю красоту окружающего, суждено было стать самому Кенту!

Во всех направлениях, пока видел глаз, лесу не было видно конца. Это было как бы многоцветное море с неровными грядками поднимавшихся и опускавшихся волн, далеко-далеко на горизонте, за много миль, сливавшееся с небом. И сколько уже раз сердце Кента болело при мысли о том, что рельсы уже врезались миля за милей в эту глушь со стороны Эдмонта, всего только в каких-нибудь полтора-два милях отсюда. Ему казалось, что это кощунство, преступление против природы, убийство его возлюбленной лесной пустыни. В его душе эта лесная пустыня сделалась чем-то гораздо большим, чем просто рядом елей, кедров, берез и можжевельников. Он любил ее больше, чем человека, она имела для него определенную индивидуальность. И то, что эта природа теперь была рядом с ним, сверкая перед его глазами в солнечном блеске, нашептывая ему в мягком дыхании воздуха свои песни, кивая ему с каждого бугорка, давало ему странное сознание счастья даже и в эти часы, когда он знал, что умирает.

А затем глаза его перешли на реку. Несмотря на приближение железной дороги, Атабаска все еще оставалась той дверью, которая отворялась и затворялась перед Великим Севером, и на ней теперь все еще кипела та же работа, что и сто лет тому назад. Караван груженых доверху барж как раз выбирался на среднее течение. Кент видел, как медленно и лениво отплывали они от берега. Команды пели, и лица водников были устремлены к диким приключениям Севера.

К горлу Кента что-то подступило, и он слегка застонал. Он слышал отдаленное пение, удалое и свободное, как сами привольные леса, и ему вдруг захотелось высунуться всем телом из окошка и прокричать им свое последнее «прости». Караван шел на Север. Кент знал, куда именно он шел. Для худошавых и загорелых людей, которые шли на баржах, наступят много месяцев чистой, здоровой жизни под радостными открытыми небесами. И, подавленный охватившим его желанием уплыть вместе с ними, Кент откинулся назад на подушки и закрыл глаза.

В эти мгновения мозг его быстро и ярко представил ему все то, что он теряет. Завтра или послезавтра он будет уже мертв, а караван будет все плыть и плыть – к Великим порогам Атабаски, к Порогам Смерти, отважно бросаясь в бой со скалами и быстринами Большого водопада, водоворотами Чертова Рта, кипящими пеной Зубами Дракона, – и затем войдет в Невольничье озеро и в Макензи, пока, наконец, последний, разбитый о скалы нос баржи не вопьется в холодную влагу Ледовитого океана. А он, Джемс Кент, будет мертв!

Теперь баржи выбрались уже на ровное течение, и при виде того, как они уходили, Кенту показалось, что это последние беглецы, спасавшиеся от стального чудовища. Сам не

сознавая что делает, он протянул к ним руки, и душа его прокричала им последнее «прости», хотя губы и оставались безмолвными.

Послышалось щелканье ключа; дверь отворилась, и вошел доктор Кардиган. На лице у него было напряженное выражение, которого он не мог и не умел скрыть. Он принес Кенту табак. Приложив затем ему к груди ухо, он выслушал его.

– Я и сам иногда слышу... – сказал ему Кент. – Что, хуже?..

Кардиган кивнул ему головой.

– Будете курить, – ответил он, – только ускорите развязку. Я принес вам табак только потому, что это было ваше последнее желание. Но если уж вы так хотите...

Кент тотчас же протянул руку к табаку.

– Стоит того... – сказал он. – Спасибо, голубчик!

Он набил трубку, а Кардиган поднес ему спичку. И в первый раз за эти две недели из губ Кента потянулся табачный дым.

– Караван пошел на Север, – сказал он.

– Да, груз большей частью для Макензи, – ответил доктор. – Далекий путь!

– Самый лучший на всем Севере. Три года тому назад мы вместе с О'Коннором прошли его весь на баркасе взад и вперед. И сдружились с ним. Да вот, кажется, и его шаги!

И действительно, из соседней палаты до них донесся звук приближающихся шагов.

Вошел О'Коннор, и как-то сразу, в одно мгновение, вышел из комнаты и Кардиган. Сержант держал в руке ярко-красные лесные цветы.

– Это патер Лайон приказал передать тебе... – начал он. – Приходя сюда, я нарушаю правила, но я должен кое-что сообщить тебе, Джимми. Я нисколько не верю тому, будто бы ты мог убить Джона Баркли; не верит этому и сам наш инспектор Кедсти, но все-таки вследствие твоего признания он принимает против тебя спешные меры. А теперь я хочу поставить вопрос ребром: действительно ли ты убил Баркли?

– Значит, ты не веришь исповеди умирающего? – ответил ему Кент.

– Черт побери, я спрашиваю: ты это сделал или не ты?

– Я.

О'Коннор уселся, вцепившись пальцами в край стола.

– Я так расстроен от всех этих неожиданностей, – сказал он. – Но, надеюсь, ты ничего не будешь иметь против, если я спрошу тебя про девушку?

– Девушку?! – воскликнул Кент. Он уставился на О'Коннора. – Какую девушку? – переспросил он.

Сержант в свою очередь уставился на него с вопросительной серьезностью.

– Вижу, что и ты не знаешь ее, – сказал он. – Я тоже ее не знаю. Никогда раньше не видал. Вот почему я и сомневаюсь насчет инспектора. Как-то странно все это... Когда мы уходили давеча от тебя, он потребовал от меня, чтобы я сопровождал его домой. Мы пошли. Вдруг он изменил намерение и сказал, что мы должны идти уже не к нему домой, а в канцелярию. Когда мы проходили через тополиную аллею, то на ней, в каких-нибудь десяти шагах от нас, стояла девушка; она остановила меня, потом Кедсти. Я услышал, как он что-то прокряхтел, произнес такой звук, точно его кто-то ударил. Я никогда еще не видал такой девушки, такого лица и таких волос и уставился на нее как дурак. Она пристально взглянула на Кедсти и так некоторое время продолжала смотреть на него, а затем обогнала нас. Ни слова не сказала.

Он взял со стола спичку и погрыз ее.

– Кент, клянусь, – продолжал он, – что когда я взглянул потом на Кедсти, то он был бледен как полотно. В его лице не было ни кровинки, и он растерянно смотрел перед собой, точно девушка все еще стояла там. А затем он опомнился, крякнул и вдруг сказал: «Сер-

жант, мне нужно вернуться, чтобы поговорить с доктором Кардиганом. Можешь немедленно выпустить Мак-Триггера на свободу!»

Он многозначительно посмотрел на Кента. Тот молчал.

– А посмотрел бы ты на Мак-Триггера, – продолжал О’Коннор, – когда я объявил ему, что он свободен! Он вышел, нащупывая себе дорогу как слепой, и не пожелал идти дальше канцелярии. Сказал, что будет ждать там инспектора.

– Ну а Кедсти? – спросил Кент.

О’Коннор вскочил с места и взад-вперед заходил по комнате.

– Последовал за девушкой! – воскликнул он. – Он солгал мне насчет Кардигана. В этом не было бы ничего удивительного, не будь ему шестьдесят лет, – ведь она такая писаная красавица! Но только не ее красота заставила его там, на аллее, побледнеть, как смерть. Голову даю на отсечение. В глазах у этой девушки было для него что-то более устрашающее, чем прямо в упор наведенный на него револьвер, и как только он взглянул в них, так тотчас же и приказал выпустить на волю Мак-Триггера. Странно все это, Кент! Ужас как странно! Но самым странным является твое признание.

– Да, действительно, все это очень странно, – согласился Кент. – Такая маленькая вещица, как пуля, и вдруг изменила все дело. Если бы она не задела меня, то, уверяю тебя, я не признался бы никогда, и вместо меня был бы повешен совершенно невинный человек. Что же касается девушки...

Он пожал плечами и постарался усмехнуться.

– Может быть, она прибыла сюда, – продолжал он, – с одним из верховых баркасов и просто совершала прогулку.

– Если бы ты хоть раз увидел эту девушку, – воскликнул О’Коннор, – то ты не забыл бы ее всю жизнь! Она никогда раньше не бывала в этих местах, иначе мы непременно бы слышали о ней. Она прибыла сюда с какой-то определенной целью, и я думаю, что эта цель была ею достигнута, когда Кедсти отдал мне приказ освободить Мак-Триггера.

– Все может быть, – согласился Кент, – и это очень вероятно. Но я все-таки не понимаю, при чем здесь я.

О’Коннор мрачно улыбнулся.

– Не понимаешь? – возразил он. – А зачем он заторопился выпустить Мак-Триггера? Ведь теперь вместо него придется повесить тебя.

Кент горько улыбнулся.

– Ты забываешь, – сказал он, – что Кардиган дал мне сроку только до завтрашнего вечера. Ну, может быть, еще до следующего дня. Следовательно, мне вовсе не придется болтаться на перекладине.

И он взял О’Коннора за руку.

– Видал ты, как караван отправился сегодня к Северу? – спросил он. – Вот бы и нам с тобой туда же, как и три годика тому назад!..

О’Коннор встал и высунулся в окошко, чтобы Кент не заметил, как ему к горлу подступили слезы. Затем он направился к двери.

– Еще увидимся, – сказал он, – и если узнаю о девушке что-нибудь, то расскажу.

Кент еще долго прислушивался к постепенно смолкавшему грохоту его тяжелых сапог.

Глава III

Сгущавшийся мрак покрыл как вуалью ту реку, которая только незадолго перед этим отражала радостный солнечный свет на баржах и на загорелых лицах водников. И вместе с надвигавшимся мраком приближались раскаты грома.

В первый раз со времени своего признания Кент почувствовал себя одиноким. Он все еще не боялся смерти, но философия его заколебалась: как бы там ни было, а умирать одному было тяжело. Он чувствовал, что давление у него в груди все усиливалось и становилось значительно больше, чем час или два тому назад, и его вдруг стала страшить мысль о том, что «взрыв» может наступить в тот момент, когда не будет светить солнце. Он желал, чтобы к нему вернулся О'Коннор. Ему хотелось позвать к себе Кардигана. Он приветствовал бы сейчас даже появление патера Лайона. Но больше всего хотелось ему, чтобы в эти моменты отчаяния около него находилась женщина.

Он стал бороться с собой. Он вспомнил, что доктор Кардиган сказал ему, что наступят моменты глубокой подавленности, и прилагал все силы, чтобы не поддаться мрачному настроению: он старался думать об О'Конноре, таинственной девушке, о Кедсти, пытался представить себе Мак-Триггера ожидающим Кедсти в канцелярии, вообразить себе наружность девушки, с ее темными волосами и синими глазами, как описывал ее О'Коннор.

И вдруг разразилась гроза; полил потоками дождь. Вошел доктор Кардиган, чтобы запереть окно. Он задержался у Кента на полчаса, затем опять вышел, и вместо него стал время от времени навещать его юный Мерсер, один из его двух фельдшеров. Зашел на минутку и патер Лайон.

В десять часов вечера, когда уже прекратился дождь, к Кенту снова пришел доктор Кардиган. Кент заметил, что он теперь проявлял какую-то особую бдительность, которая показалась ему необычной. Четыре раза он приставлял к его груди стетоскоп, но когда Кент задал ему обычный вопрос, то Кардиган только покачал головой.

– Вам не хуже, Кент, – сказал он. – Я не думаю, чтобы эта штука случилась с вами сегодня ночью.

Несмотря на это заверение, Кент определенно заметил, что теперь в докторе Кардигане было беспокойство уже совсем другого рода, чем вчера и третьего дня. И ему показалось, что доктор старался этой профессиональной ложью успокоить его.

Спать ему вовсе не хотелось. К ночи небо окончательно прояснилось, и потому свет был притушен и окошко снова раскрыто настежь. Часы в соседней комнате пробили одиннадцать, и Кардиган вышел от него уже совсем. Кент подтянулся к окну, чтобы иметь возможность опереться о подоконник. Он любил ночь. Таинственное очарование тихих часов мрака, когда весь мир спит, никогда не переставало производить на него глубокое впечатление. Ночь и он были друзьями. Он постигал душой все ее тайны, и она казалась ему всегда еще более удивительной, чем день.

И эта ночь, которая открывалась сейчас перед ним по ту сторону окна, была великолепной. Гроза расчистила воздух, и казалось, будто золотые созвездия спустились поближе к земле и нависли над лесами. Луна была уже на ущербе, вставала поздно, и он следил за полосой света в том месте, где она должна была появиться, как она расширялась и поднималась все выше и выше. Глубокими вдохами впивал он в себя ночной воздух. Казалось, что в нем медленно стала зарождаться новая сила. Глаза и уши его были широко открыты. Поселок у пристани уже спал, и лишь кое-где мерцали несколько тусклых огоньков. Время от времени до него доносился лай собак, окрик пастуха. У самого окошка, в ветвях сосны, хлопывали крыльями две совы. А затем вдруг послышались чьи-то шаги. Кто-то приближался прямо к окну. Кент пригляделся. Это оказался О'Коннор.

– Ты спишь, Кент? – спросил он почти шепотом.

– Нет, – ответил Кент.

– Я так и думал, когда увидел у тебя свет. Мне бы не хотелось нарваться на Кардигана. Я не пришел бы сюда, если бы знал, что он еще у тебя. И если ты ничего не имеешь против, то не потушишь ли ты свой огонь? Ведь Кедсти тоже не спит!

Кент протянул руку к лампе, и комната погрузилась в темноту. Только робко светила луна.

– Ведь, в сущности, приходишь к тебе, Кент, – преступление, – продолжал О’Коннор почти шепотом. – Но я должен был это сделать, так как больше уже будет некогда. К тому же здесь что-то нечисто. Кедсти убирает меня со своего пути, потому что я был с ним, когда он повстречался тогда с девушкой на тополиной аллее. Он выдумал специальное поручение, с которым и командует меня в Форт-Симпсон, а это целых две тысячи миль отсюда. Это значит – шесть месяцев или даже целый год отлучки. На рассвете мы выезжаем на моторной лодке, чтобы догнать караван и ехать далее уже с ним. Таким образом, волей-неволей пришлось беспокоить тебя сейчас. Но я колебался, пока не убедился по свету, что ты еще не спишь.

– Я очень рад, что ты пришел, – тепло ответил ему Кент. – И как бы я хотел отправиться вместе с тобой! Если бы не эта гадость в груди, которая каждую минуту может лопнуть...

– А я бы все-таки не поехал... Что-то странное напало на Кедсти. Он отчаянно стал нервничать, и я не ошибусь, если скажу, что он все время кого-то поджидает. К тому же он боится меня. Я это чувствую. Форт-Симпсон не более как предлог, чтобы избавиться от меня.

Он огляделся по сторонам и продолжал:

– Все это время я пробовал выследить девушку и Санди Мак-Триггера. Оба они точно в воду канули. Вероятно, Мак-Триггер удрал в леса, но меня просто изумляет девушка! Я опросил всех водников, обследовал каждое местечко, где она могла бы получить пищу или приют, и подкупил старого Муи, чтобы он обыскал все лесные закоулки, но ее и след пропал. Ни одна живая душа даже и не видела ее. Не правда ли, странно это, Кент? А затем мне неожиданно пришла в голову разгадка. Не прячется ли эта девушка у самого Кедсти? Не забывай, что он старый холостяк и живет совершенно одиноко!

– Но почему же «прячется»? – спросил Кент.

О’Коннор некоторое время помолчал и стал набивать трубку.

– Да видишь ли, – продолжал он, – я все-таки нашел ее следы. У нее удивительно маленькие ноги, а туфли на французских каблуках. Потом я увидел место, где Кедсти, видимо, нагнал ее. Далее, по следам я определил, что Кедсти вернулся на дорожку, а девушка направилась в еловую поросль, где след и потерялся. Но сквозь эту поросль легко было добраться до дома Кедсти. Странно все это. Очень странно. Но самое непонятное – это моя внезапная командировка в Форт-Симпсон!

Кент откинулся на подушки. Дыхание его стало сопровождаться резкими, короткими покашливаниями. При свете луны О’Коннор увидел, что лицо его изменилось.

– Я тебя утомляю, Джимми, – сказал виноватым голосом сержант. – В таком случае прощай, старый друг!.. Я... я... посмотрю, что делается около дома Кедсти, и через полчаса вернусь к тебе. Если ты заснешь...

– Я не буду спать, – ответил Кент.

О’Коннор крепко стиснул руку больного.

– Прощай, Джимми!..

– Прощай!

Глава IV

Лишь спустя долгое время после ухода О'Коннора Кенту удалось наконец заснуть. Он забылся сном, при котором мозг все еще продолжал работать и до конца бороться с усталостью и с сознанием неизбежного конца. Точно какая-то странная сила подхватила Кента и помчала его через пережитые им годы назад, к дням его юности, перенося его с гребня на гребень по волнам уже пережитой им жизни и рисуя перед ним быстрые, смутные образы почти уже забытых им долин и гор, вод и лесов, событий и предметов, давно растаявших и теперь едва теплившихся в его памяти. Временами его сны наполнялись призраками, которые вдруг облекались в реальные формы. То он видел себя ребенком, игравшим на родной ферме около своей матери, то школьником, то заброшенным на Дальний Север, в дремотные объятия лесов, то едущим на собаках вместе с О'Коннором, то греющимся с ним у пылающего костра. И вдруг, находясь на грани между сном и бодрствованием, он ощутил, что борется с какой-то тяжестью, навалившейся ему на грудь. Он открыл глаза. Тотчас же его ослепил яркий свет. Солнце заливало комнату своими лучами, а тяжестью на груди оказалось легкое прикосновение стетоскопа доктора Кардигана, выслушивающего его сердце.

Кент проснулся, но Кардиган даже и не заметил этого, пока не поднял головы. В лице у него было что-то такое, что он постарался тотчас же подавить, но Кент все-таки уловил его выражение раньше, чем оно успело исчезнуть.

Под глазами у Кента были большие круги. Взор его блуждал, точно он провел бессонную ночь. Он потянулся, шурясь от солнца и виновато улыбаясь. Да, он проспал до позднего утра! Уже одиннадцатый час!

Кардиган как-то неловко прошелся из угла в угол по комнате, машинально поправил занавеску у окна и переставил на столе вещи. Затем минуты две простоял без движения спиной к Кенту. Потом, наконец, обернулся к нему и сказал:

– Что вы хотите, Кент, сделать прежде всего: помыться, позавтракать или принять посетителя?

– Посетителя? – переспросил Кент. – А кто этот посетитель? Кедсти или патер Лайон?

– Ни тот ни другой. Это дама.

– Дама? Тогда, конечно, нужно прежде всего привести себя в порядок. Но кто эта дама? Кардиган отрицательно покачал головой.

– Не знаю, – ответил он, – никогда ее раньше не видал. Пришла сегодня рано утром и с тех пор ожидает. Я предложил ей зайти попозже, но она настояла на том, чтобы ждать, пока вы проснетесь. И она терпеливо сидит уже более двух часов.

По телу Кента пробежала дрожь, которую он и не старался скрывать.

– Это молодая женщина? – спросил он с оживлением. – Великолепные черные волосы, синие глаза, высокие каблуки на маленьких ногах и вообще красавица?

– Да, все это так, – ответил Кардиган. – Я даже обратил внимание на ее ботинки. Удивительно красивая молодая женщина!

– Так впустите ее, доктор! Она простит меня, что я не брит, а вы будьте добры извинитесь перед нею за меня. Как ее зовут?

– Я ее спрашивал, но она не захотела говорить. Спрашивал ее и Мерсер, но и ему она не ответила. Она углублена в книгу, которую читает.

Кент сел повыше и стал смотреть на дверь, из которой только что вышел Кардиган. В одно мгновение в его сознании пронеслось все то, что рассказал ему О'Коннор о девушке, о Кедсти и об их таинственных отношениях. Почему она пришла теперь именно к нему? В самом деле, какова могла быть цель ее посещения? Или, может быть, она пришла поблагодарить его за то признание, которое вернуло свободу Санди Мак-Триггеру? Да, О'Коннор

был прав! Наверное, она глубоко заинтересована в судьбе этого человека и пришла только для того, чтобы выразить ему свою благодарность.

Он прислушался. В передней раздались отдаленные шаги. Девушка быстро приближалась и, наконец, остановилась у самой двери. Он услышал голос Кардигана, затем его удалявшиеся шаги. Сердце у Кента учащенно забилось. Он не мог вспомнить, когда он раньше волновался по такому пустому поводу, особенно перед лицом смерти.

Глава V

Дверная ручка медленно повернулась и вместе с тем раздался мягкий стук в филленку двери.

– Войдите! – сказал Кент.

Вошла девушка и затворила за собой дверь.

Перед ним во плоти появился образ, нарисованный ему О'Коннором. Глаза их встретились. Он увидел в ее глазах лучистые фиалки, но все же это были не те глаза, которых он ждал. Они были широко открыты, и в них светилось любопытство ребенка. Они смотрели на него не как на умиравшего, а как на существо, вообще чрезвычайно интересное во всех отношениях. Вместо ожидаемой благодарности Кент прочел в них вопрос, полный безграничного удивления. Ему показалось в первую минуту, что, кроме этих удивленных, но в то же время бесстрастных глаз, которые уставились на него, он не видел ничего. И только потом он обратил внимание на ее изумительные волосы, бледное, тонко очерченное лицо и на всю ее красоту в общем. Он никогда еще не видал ничего подобного.

И затем, к собственному своему смущению, он не мог удержаться от того, чтобы не посмотреть ей на ноги. И опять О'Коннор был прав: маленькие ножки на высоких французских каблуках, выглядывавшие из-под коричневой юбки.

Ему стало неловко, и он густо покраснел.

– Я очень долго ждала, прежде чем повидать вас, – сказала она, усаживаясь на стул рядом с его кроватью. – Ведь вы Джеймс Кент?

– Да, я, – ответил Кент. – Мне очень грустно, что доктор заставил вас ожидать... Ему следовало бы разбудить меня.

Он хотел улыбнуться, но из этого вышла только гримаса, и ее синие глаза дали ему это почувствовать.

– Да, – проговорила она так тихо, точно делилась сомнениями сама с собой, – вы особенный. Для этого-то я и пришла сюда, чтобы убедиться, что вы не такой, как все. Вы умираете?

– Да, – вздохнул он. – Если верить доктору Кардигану, то я могу умереть каждую минуту от разрыва аорты. Вы не испугаетесь, если это случится при вас?

– Нет, это меня не испугает. Мне не было бы страшно, если бы это с вами случилось.

– Вот как!

Кент в удивлении вытянулся прямее в подушках. Ему приходилось сталкиваться в своей жизни с массой приключений и испытывать всевозможные удары судьбы. Но эта встреча была для него совершенно новым, неожиданным явлением, и, совершенно огоршенный, он молча уставился в ее синие глаза.

Как бы воодушевившись какой-то внутренней эмоцией, которая шла прямо в разрез с ее видимым отсутствием сочувствия к нему, она вдруг протянула руку и положила ее Кенту на лоб. Это не было прикосновением профессиональной сиделки. Она коснулась его так мягко, так нежно и сердечно, что ласковая дрожь пробежала по всему его телу. Рука продержалась на лбу только одно мгновение.

– У вас нет жара, – сказала она. – Почему вы думаете, что умираете?

Кент предполагал, что когда его посетительница войдет к нему в комнату, то последует, по крайней мере, хоть формальное взаимное представление друг другу и что он сможет – хотя и в рамках вежливости – спросить ее, кто она, зачем она к нему пришла и почему так настойчиво добивалась встречи с ним, а вместо этого ему вдруг самому пришлось оказаться в роли допрашиваемого и объяснять ей всякие физиологические подробности об аортах и

аневризмах. Даже теперь, на пороге смерти, он не мог не видеть смешной стороны положения. И его поразила в ней ее естественная простота даже гораздо больше, чем ее красота.

– Как это странно, мисс! – вдруг заговорил он и улыбнулся ей прямо в лицо. – Как это странно! Всего только истекшей ночью я был глубоко убежден, что самым важным для меня на свете было бы видеть около себя женщину, которая отнеслась бы ко мне с состраданием, ну, что ли, облегчила бы мое положение; может быть, сказала бы, что жалеет меня. И вот судьба внимает моей мольбе, и приходите ко мне вы, но только, простите, затем, чтобы посмотреть, как умирают люди...

Синие глаза ее вспыхнули; на бледных щеках появился румянец.

– Вы не первый, – ответила она, – кто умирает на моих глазах. О, скольких я уже похоронила и при этом не проронила ни одной слезы. Но мне не хотелось бы, чтобы умерли вы. Это вас утешает?

– Но почему же вы пришли ко мне именно теперь, когда я должен умереть?

– Мне хотелось познакомиться с вами и посмотреть, каковы вы на самом деле.

– Но для чего вам это нужно?

Девушка немного придвинула к нему свой стул, и ему показалось, что она готова была засмеяться.

– Потому что вы так великолепно солгали, – ответила она, – чтобы спасти другого человека, над которым уже тяготел приговор.

– И вы тоже! – воскликнул Кент. – Да почему же, наконец, я не мог бы убить? Почему столько людей убеждены, что я лгу?

– Нет, теперь уж они поверили вам. Ведь вы так подробно рассказали обо всех частностях убийства, что они теперь совершенно убедились. И было бы действительно уж слишком плохо, если бы вы теперь выздоровели и продолжали жить, потому что вам пришлось бы испытать на себе всю тяжесть судебного приговора. Ваша ложь поэтому должна теперь звучать как правда. Но я-то знаю, что это ложь. Вы не убивали Джона Баркли. Вы солгали!

– Почему вы так думаете?

– Потому что я знаю человека, который действительно его убил, и это были не вы.

Она сказала это так спокойно, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы, в свою очередь, не показаться взволнованным.

– Разве сознался еще кто-нибудь? – спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

– А вы видели, – спросил Кент, – как этот другой человек убил Джона Баркли?

– Нет.

– Тогда я должен ответить вам так же, как я отвечал и другим. Я убил Джона Баркли. И если вы подозреваете какое-нибудь другое лицо, то подозрения ваши неосновательны.

– Что за удивительный лгун! – тихо произнесла она. – Для вас нет ничего святого?

– Надо думать, мисс, что вы пришли не для того, чтобы вступать со мной в дебаты по религиозным вопросам.

Очаровательная головка наклонилась к нему поближе. Он почувствовал почти непреодолимое желание поднять руку и коснуться ее волос. Она положила ему свою руку на лоб.

– Я знаю, кто убил Джона Баркли, – продолжала она. – Я знаю как, когда и почему он был убит. Прошу вас, скажите мне правду. Я хочу ее знать. Почему именно вы сознались в преступлении, которого вовсе не совершали?

Он задумался. Девушка не отрывала от него пытливых глаз.

– Возможно, что я сумасшедший, – ответил он. – Ведь так много на свете сумасшедших, которые этого даже вовсе и не подозревают. В этом-то и вся трагедия сумасшествия. Но если я в здравом уме, то именно я убил Баркли; а если его убил не я, то, значит, я действительно сумасшедший, потому что я твердо убежден, что убил его именно я. А вот мне кажется,

что вы все сумасшедшие. Вот, например, может ли человек в здравом уме ходить на таких высочайших каблуках, как вы?

И он указал пальцем на пол.

В первый раз девушка улыбнулась открыто, честно, искренне. А затем вдруг улыбка сразу же исчезла, точно солнце, неожиданно скрывшееся за облаком.

– Вы настоящий мужчина, – сказала она. – Вы просто великолепны. Я вообще ненавижу мужчин, но если бы вы остались жить, то я полюбила бы вас. Пожалуй, и я поверю, что именно вы убили Баркли. Вы хоть кого убедите. Вы сознались, когда получили уверенность, что скоро умрете и что таким образом невинный будет освобожден. Ну а если вы не умрете?

Последнюю фразу она произнесла резко и определенно, и это заставило его смутиться.

– Нет, я все-таки умру... – ответил он нерешительно.

– А если нет?

Кент пожал плечами.

– В таком случае выпью свою чашу до дна, – ответил он. – Вы уходите?

Она поднялась.

– Да, ухожу... – ответила она. – Пора!

Она подошла к окну, выглянула из него, затем отошла от него и огляделась по сторонам.

– Когда-нибудь, когда я сама буду умирать, – сказала она, – я хотела бы, чтобы и у меня была такая же комната. Все-таки очень жаль, если вам действительно суждено умереть. Я убеждена, что мы с вами были бы большими друзьями. Не правда ли?

– Да, я тоже убежден в этом. Ну и что б вам было навестить меня раньше!

– Я всегда буду думать о вас как о совершенно особом представителе мужской породы. И уверяю вас, мне не хотелось бы, чтобы вы умирали, а в особенности при мне. Поэтому-то и хочу уйти заранее. Можно мне вас поцеловать?

Тут Кенту показалось, что его аорта готова немедленно лопнуть.

– Ну конечно... – залепетал он. – Буду очень рад...

– В таком случае закройте глаза! – приказала она.

Он повиновался. Она наклонилась над ним. Он почувствовал на себе мягкое прикосновение ее рук и на секунду уловил аромат от ее лица и волос, и затем ее губы нежно и горячо прижались к его губам. Когда он вновь открыл глаза и посмотрел на нее, то она не покраснела и не казалась смущенной. Точно она поцеловала ребенка и теперь любовалась его красным личиком.

– До вас я целовала всего только трех мужчин, – призналась она. – И никак не думала, что вы будете четвертым. А теперь – прощайте!

И она быстро направилась к двери.

– Подождите! – жалобно крикнул он ей вслед. – Умоляю вас, останьтесь еще! Ну, как ваше имя? Как вас зовут? Кто вы?

Она остановилась на минуту и обернулась.

– Я – Маретта Радисон, – ответила она. – Я приехала сюда издалека, с того места, которое носит название Долины Молчаливых Призраков.

И она указала на север.

– На Севере? – воскликнул он.

– Да, на Дальнем Севере. Очень далеко отсюда.

Она взялась за щеколду. Дверь медленно подалась.

– Подождите, – попросил он еще раз. – Не уходите!..

– Нет, пора!.. – ответила она. – Я и так уж здесь засиделась. Только напрасно я вас поцеловала. Мне не следовало бы этого делать. Но не могла удержаться, потому что вы такой великолепный лгун!

Дверь быстро отворилась и затворилась. Он услышал, как она почти побежала к передней и как смолкли затем ее шаги так же, как и накануне шаги О'Коннора.

А затем наступило молчание, и в этой тишине, точно удары тяжелым молотом по голове, все еще звучали ее слова:

«Потому что вы такой великолепный лгун!»

Глава VI

Почему она не поверила ему? Действительно ли ей было известно все или она только дурачила его? Почему никто не верил ему? Почему даже эта таинственная девушка, которой он никогда раньше в жизни не видал, и та назвала его лгуном, когда он стал настаивать на том, что именно он убил Джона Баркли?

Вошел Мерсер и поставил перед ним завтрак. Этот молоденький краснощекий англичанин не мог скрыть своего отношения к тому факту, что он разгуливает как бы перед висельником. Кормить и умывать человека, который непременно должен умереть, а если и выживет, то обязательно будет повешен, – наполняло его своеобразным и временами двусмысленным волнением. Это было чем-то вроде ухода за живым трупом. И Мерсер так себе это и представлял. Со своей стороны, и Кент научился за последнее время смотреть на него как на что-то вроде барометра, раскрывавшего карты доктора Кардигана.

В это утро, как показалось Кенту, лицо у Мерсера было уже не такое розовое, как обыкновенно, и глаза более стеклянные, чем раньше.

– Что это у вас сегодня такой унылый вид? – обратился к нему Кент. – Не потому ли, что это мой последний завтрак?

– Надеюсь, что нет, сэр, – ответил Мерсер. – Надеюсь, что вы будете жить, сэр!..

– Спасибо... А где Кардиган?

– За ним присылал инспектор, сэр. Он отправился к нему.

– Мерсер, я хочу, чтобы вы сказали мне откровенно: сколько мне осталось еще протянуть?

Мерсер смутился.

– Не могу сказать вам, сэр, – ответил он. – Доктор Кардиган мне этого не говорил. Но не скрою от вас, что он сегодня очень расстроен. И патер Лайон наготове, чтобы навестить вас в любой момент.

– Спасибо. А что вы думаете о молодой леди?

– Изумительна, сэр, прямо изумительна!

– Вы не знаете случайно, где она остановилась?

Кент вовсе не ожидал от Мерсера какого-нибудь определенного ответа и очень был удивлен, когда тот ему сообщил:

– Я слышал, сэр, как доктор Кардиган спросил у нее, будем ли мы удостоены чести ее нового посещения, и как она ответила ему, что это совершенно невозможно, так как она сегодня же вечером уезжает на барке вниз по реке. Она сказала, сэр, что отправляется в Форт-Симпсон.

Кент в волнении чуть не пролил кофе.

– Да ведь это как раз то самое место, – воскликнул он, – куда отправляется и наш О'Коннор!

– Я слышал, как и доктор Кардиган сказал ей то же самое. Но она ничего не ответила на это. Черт возьми, красавица девушка!

– Согласен с вами, мой друг. Но не можете ли вы оказать мне услугу?

– Был бы счастлив, сэр, весьма счастлив!

– Вот в чем дело. Мне хотелось бы знать, действительно ли эта девушка уедет сегодня вечером на низовом баркасе? Если я доживу до завтрашнего утра, то не скажете ли вы мне об этом?

– С удовольствием, сэр. Если только смогу.

– Но мне не хотелось бы, чтобы об этом знал Кардиган. Тут есть старый индеец Муи. Он живет сейчас за мельницей. Дайте ему десять долларов и скажите, что если он проведет это дело толково, то получит еще десять.

Кент вытащил из-под подушки кошелек и протянул Мерсеру купюру в пятьдесят долларов.

– А на остальные, – продолжал он, – можете купить чего-нибудь для себя. Все равно мне теперь деньги не нужны.

– Спасибо, сэр! – радостно ответил Мерсер. – Это очень любезно с вашей стороны.

Насколько Кент знал людей, Мерсер казался ему человеком, способным на нечто большее, чем быть сиделкой около больного. Это был один из тех неудачников, которые вечно чего-то ищут и не находят и которых судьба всегда разбрасывает по самым глухим закоулкам земного шара.

Под личиной их забитости и рабской услужливости в них всегда таится большое мужество, которое для своего проявления нуждается только в подходящем стимуле.

И Кент был убежден, что его пятьдесят долларов дадут свой результат, если он только останется жить до утра.

Почему он, собственно, нуждался в этих сведениях, он и сам не мог объяснить. Долгое время лежал он, размышляя о девушке, и его поразила та нелепая шутка, какую судьба сыграла с ним, оставив это приключение ему напоследок. Встреть он ее шесть месяцев тому назад или даже три месяца, она настолько бы изменила течение его жизни, что он ни за что не получил бы этого выстрела в грудь. Он не краснея признался себе в этом. До сих пор лесная пустыня занимала для него место женщины. Она держала его душу и тело в плену. Он не желал ничего, кроме ее дикого, свободного раздолья и бесконечного азарта игры со ставками на жизнь и смерть. И, однако, приди эта девушка к нему раньше...

Он опять и опять мысленно представлял себе ее волосы и глаза, ее стройную фигуру в то время, как она стояла у окна, ее легкую грацию, и снова ощущал очарование от прикосновения ее руки и еще более сильное чувство от приближения ее губ.

К тому же *она была с Севера!* Мысль об этом захватывала его. Он не допускал, чтобы она сказала ему неправду. Он верил, что если только ему удастся протянуть до завтрашнего утра, то Мерсер, во всяком случае, поддержит его веру в нее. Правда, он никогда не слышал о местности, которая называлась бы Долиной Молчаливых Призраков, но разве мала Северная Америка? До одного только Форт-Симпсона более тысячи миль! Ему нетрудно было представить себе, что она дочь какого-нибудь северного промышленника, но, поразмыслив, он должен был прийти к другому убеждению, так как на всем Севере между Большой Невольничьей рекой и Ледовитым океаном едва ли нашлось бы более пятидесяти представителей белой расы. Не могла она быть и дочерью какого-нибудь водника или сплавщика, потому что кто же из них так богат и культурен, чтобы послать ее учиться на юг, где она, несомненно, бывала, так как представляла собой вполне цивилизованную женщину. Кто же она?

И пока Кент так рассуждал, в передней появились патер Лайон с лицом более бледным, чем когда-либо, и доктор Кардиган, постаревший сразу на десять лет с той поры, как в последний раз приложил стетоскоп к груди Кента. За ними шли Кедсти с мертвенным серым лицом и юный Мерсер, в застывших глазах которого читался необъяснимый ужас.

Глава VII

Патер Лайон вошел один. Все остальные остались ожидать у двери. Кент постарался ему улыбнуться, но улыбка так и застыла у него на губах, когда он увидел выражение его лица.

– Вы меня пробудили от сна, отец, – все-таки улыбнулся Кент, – от сна наяву. У меня сегодня была интересная встреча... Я думал о моей недавней гостье...

– Мне уже говорили о ней... – ответил патер.

– Мерсер?

– Да. По секрету. Он просто потерял голову от этой девицы.

– Я тоже... И не приговори меня доктор Кардиган к смерти...

Патер поднял голову.

– Джимми, – быстро и не совсем твердым голосом перебил он его, – вам ни разу не приходило в голову, что Кардиган мог ошибиться?

Он взял Кента за руку и стиснул ее до боли. Глядя ему в глаза, Кент вдруг ощутил себя так, точно его мозг представлял собою до сих пор темную комнату, которую неожиданно вдруг осветила вспышка молнии. Кровь отлила от его лица, и оно сделалось бледнее, чем у патера.

– Что вы хотите этим сказать?... – проговорил он.

– Да-да, голубчик, – продолжал патер. – Я именно это и имею в виду.

Он сказал это таким странным голосом, что казалось, будто за него говорил другой человек.

– Вам не придется умирать, – добавил он. – Джимми, вы будете жить!..

– Жить?!

Кент откинулся на подушки.

– Жить!..

Он задыхался от одного этого слова.

Он закрыл глаза, и ему вдруг показалось, что весь мир запылал в огне. Он попытался повторить это слово опять, но у него только шевельнулись губы, а звука не последовало вовсе. Напряженные до крайней точки, его чувства поддались действию реакции. Ему стало казаться, что он близок к агонии. Он открыл глаза и посмотрел на окно, за которым растянулся ярко освещенный внешний мир, и вместо него увидел только какое-то бесформенное зеленое пятно. Голос патера доносился до него откуда-то издалека, хотя звук его был ясен и отчетлив. Он говорил ему о том, что доктор Кардиган, оказывается, впал в ошибку. И доктор Кардиган вследствие этого чувствовал себя так, точно у него вырвали сердце. Но ошибка была объяснимой.

– Будь в его распоряжении икс-лучи, – говорил патер Лайон, – располагай он рентгеновским аппаратом, он не ошибся бы так жестоко. Но достать их здесь негде. Он поставил тот диагноз, который при данных симптомах поставил бы на его месте и всякий другой доктор. Да, это ужасная ошибка, но вы, Кент, не должны винить Кардигана!

Он не должен винить Кардигана! Он не должен ставить ему в вину эту ошибку! И Кент засмеялся. Что за удивительно нелепое предположение со стороны патера Лайона! Бранить Кардигана за то, что он возвращает его к жизни? Винить его за драгоценную весть о том, что он не умрет? Винить его за... Да может ли это быть?!

Все в безумной радости завертелось вокруг Кента. Его мозг, как винт, попавший в привычную нарезку, снова почувствовал себя самим собой. Он опять ясно увидел перед собой патера Лайона с его бледным, напряженным лицом и с глазами, в которых все еще светился ужас. И тут только он постиг всю правду.

– Ага! Понимаю! – воскликнул он весело. – Вы с Кардиганом хотели бы, чтобы я лучше умер?

Патер все еще держал его за руку.

– Не знаю, Джимми, право, не знаю, – угрюмо ответил он. – Но то, что случилось, прямо ужасно!

– Но ведь не так же ужасно, как смерть! – воскликнул Кент, вдруг выпрямляясь в подушках. – Боже мой, но ведь я хочу жить!

Он высвободил руки и протянул их к открытому окошку.

– Смотрите! – закричал он. – Передо мной опять мой мир! Понимаете, мой мир! Я хочу вернуться к нему! Теперь он стал для меня в десять раз дороже. В чем же мне винить Кардигана? Отец, отец, выслушайте меня! Я теперь могу сказать, потому что уже имею на это право. Я солгал! Я вовсе не убивал Джона Баркли!

Странный крик вырвался из груди патера Лайона. Но это был крик не радости, а скорби.

– Джимми! – воскликнул он. – Что вы говорите?

– Клянусь вам в этом, отец. Боже правый, неужели вы мне не верите?

Патер поднялся с места. Теперь на его лице появилось уже новое выражение.

Мгновением раньше Кент чувствовал горячий прилив захватывавшей радости, но теперь его сердце вдруг похолодело от того, что он заметил в лице и глазах у патера Лайона. Это нельзя было назвать недоверием к нему. Нет, это было что-то страшное и безнадежное.

– Вы не верите мне! – воскликнул Кент.

– В данном случае вопрос состоит не в наших человеческих чувствах, Джимми. Теперь вступил в свои права закон. Что бы ни чувствовало мое сердце по отношению к вам, это все равно не принесет вам пользы именно теперь. Все равно вы будете...

Он не решился договорить.

И тут-то Кент ясно и отчетливо осознал всю чудовищность создавшегося положения. Для того чтобы сосредоточиться в полной мере, нужно было известное время. Правда, он уяснил себе положение в общих чертах несколько мгновений тому назад, но теперь перед ним стали обнажаться одна подробность за другой, и патер Лайон увидел, как сжались его челюсти и стиснулись кулаки. Смерть отошла прочь. Но ее издевка от сыгранной с Кентом чудовищной шутки, казалось, еще звучала в его ушах адским хохотом. Но нет, он будет жить! Что бы ни случилось через месяц или через полгода, Кент все-таки сегодня не умрет! А это все-таки чего-нибудь да стоит. Он будет жить хотя бы только для того, чтобы узнать, что скажет ему завтра Мерсер. Он будет жить во что бы то ни стало для того, чтобы снова встать на ноги и биться за обладание той жизнью, которую он так безрассудно от себя отбросил! Теперь ему предстояла самая убийственная борьба, какой он еще не испытывал. Он предвидел это. Чувствовал. Она заранее захватывала его всего.

В глазах того самого закона, на исполнении которого он всегда так настаивал, он был убийцей. А наказанием за убийство в этой далекой провинции было повешение. О, зачем, зачем Кент так был убежден в том, что смерть предопределена ему именно от выстрела и что он умрет бесповоротно? Зачем он был убежден в том, что ему осталось жить всего несколько часов? Зачем к нему пришла эта сумасбродная мысль принять на себя вину другого?

– Они должны будут мне поверить! – воскликнул он. – Я заставлю их поверить мне! Я солгал! Я солгал для того, чтобы спасти Санди Мак-Триггера, и я объясню им, почему я это сделал! Если доктор Кардиган не повторил ошибки, то я хочу, чтобы все они опять пришли сюда и сделали мне новый допрос. Возьметесь ли вы, отец, устроить это?

– Я бы не стал, Джимми, действовать так поспешно, – спокойно ответил патер Лайон. – На вашем месте я бы подождал... Я бы еще подумал... Подумал... То есть я что-нибудь придумал бы... Что-нибудь такое, что могло бы показаться вероятным...

– Вы имеете в виду, чтобы я придумал такую историю, которая могла бы выгородить меня? Такая история уже есть. Она у меня наготове. Зовите же их всех!

Патер глубоко вздохнул и нерешительно поднялся с места.

– Сын мой, – сказал он с грустной ноткой в голосе, – тебе предстоит тяжелая борьба. Если ты победишь в ней, то я буду счастлив. Если же ты проиграешь ее, то я знаю, что ты умрешь за другого как храбрец. Может быть, ты и прав. Пожалуй, лучше пригласить Кедсти сейчас, прежде чем ты имел бы время подумать. Я иду. Я скажу ему, что ты готов его видеть.

Патер Лайон направился к двери, отворил ее и вышел.

Прошло четверть часа. Затем Кент услышал шум приближавшихся к нему шагов. Значит, миссия патера удалась: Кедсти шел к нему не один. Вероятно, с ним возвращался назад и патер. Возможно, что шел и Кардиган.

Но то, что произошло в следующие затем несколько секунд, было для Кента полной неожиданностью. Первым вошел патер. За ним – инспектор Кедсти. В его лице ничто не говорило о бывшей когда-то близости отношений. Только легкий кивок головы, который даже нельзя было назвать приветствием, был ответом на радостный поклон Кента. За спиной Кедсти стоял следователь Мак-Дугал, а еще за ним – двое полицейских с саблями наголо, явно находившихся при исполнении своих обязанностей. Бледный, встревоженный Кардиган и стенографистка замыкали шествие.

И не успели они войти в комнату, как приговор был прочитан и Кент оказался под стражей.

Он не ожидал этого. Он думал, что поговорит с Кедсти, как человек с человеком. А теперь перед ним был только закон. Глаза его скользнули с бесстрастного лица Кедсти на двух часовых.

И, только что полный восторженной надежды, Кент вдруг почувствовал, как стало тяжелеть у него на сердце и как ему вдруг захотелось сейчас же, немедленно, вступить в борьбу, чтобы отвоевать себе обратно потерянные свободу и жизнь.

Глава VIII

Первыми вышли от Кента патер Лайон и доктор Кардиган; за ними последовали стенографистка и представитель обвинения Мак-Дугал, затем оба стражника.

Кент и Кедсти остались наедине.

– Я попросил вас, Кедсти, – начал Кент, – остаться со мной на две-три минуты, чтобы вы выслушали меня. Теперь, когда мне представилась возможность выгородить себя, почему именно вы навалились на меня всей тяжестью своего авторитета? Зачем вы поспешили со всей этой церемонией, зачем привели сюда Мак-Дугала и этих двух часовых? Что я, больной человек, собираюсь бежать? Ведь вы же сами не верите, что я убил Джона Баркли, к чему же эти строгости? В тот день, когда я сделал вам это нелепое признание, вы же первый назвали меня лгуном! Вы и поныне знаете, что я солгал. В чем же заключается ваша игра? Что вызвало в вас такую перемену? Или это...

Он наклонился к Кедсти поближе, и правая рука его крепко сжалась.

– Или это связано с той девушкой, – продолжал он, – которая скрывается у вас в доме, Кедсти?

Даже в этот момент, когда в нем загорелось вдруг желание ударить этого человека, он не мог не преклониться перед его невозмутимостью. Кедсти был так же спокоен, как и всегда. Даже прямое обвинение его в том, что он играет какую-то двойную игру и прячет у себя Маретту Радисон, не смутило Кедсти нисколько. Он только пристально посмотрел на Кента, как бы мысленно измеряя размах его мысли. Когда же он наконец заговорил, то голос его звучал так ровно и спокойно, что Кент устался на него в немом изумлении.

– Я не осуждаю вас, Кент, – сказал он. – Я не осуждаю вас ни за то, что вы подозреваете во мне чуть ли не негодяя, ни за этот странный тон. Думаю, что на вашем месте и я поступил бы точно так же. Поверьте, я сделал бы для вас все, что возможно, если бы действительно считал вас невиновным. Но я убежден, что вы виновны. Даже если бы вы сумели доказать, что вы ни при чем в убийстве Джона Баркли, и то...

Он помялся, покрутил ус и покосился на окошко.

– И то, – продолжал он, – вы имели бы десять лет тюрьмы за самое подлое из всех лжесвидетельств, какие только существуют на свете, а именно – за лжесвидетельство перед духовником на смертном одре, когда вы были убеждены, что умрете наверняка! Да, вы виновны, Кент. Если не в одном, то в другом. Никакой игры я не веду. Что же касается девушки, то никакой Маретты Радисон я у себя в доме не скрываю.

Он направился к двери, и Кент не нашел ни малейшего повода, чтобы его остановить. Когда он вышел, то Кент еще долго смотрел в окошко на лес, не видя, впрочем, ничего. Слова Кедсти разрушили все его надежды. Да, Кедсти прав! Даже и в том случае, если бы он избежал повешения за убийство Джона Баркли, он все же оставался преступником, которому угрожала тюрьма.

Кент глубоко, до боли вздохнул. На лбу у него выступила испарина. Теперь уж он не обвинял Кедсти больше ни в чем. Гнев его прошел. Что бы ни чувствовал по отношению к нему инспектор, он не мог поступить иначе. На то он и был его начальством. А он, Джемс Кент, больше всего на свете ненавидевший ложь, вдруг оказался теперь самым ужасным лжецом на свете, сказавшим неправду перед лицом самой смерти.

И за эту ложь он должен будет понести наказание. Безжалостный, прямолинейный закон, конечно, не признает никакого оправдания, которое Кенту удалось бы привести в свою защиту. Он солгал, правда, чтобы спасти человеческую жизнь. Но ведь именно эту-то самую жизнь и требовал закон.

Ах, зачем в этих местах действовало исключительное положение, зачем за убийство полагалась смертная казнь и за клятвопреступление десять лет тюремного заключения? Зачем в этой последней перестрелке с контрабандистами пуля метиса угодила ему прямо в грудь? Зачем доктору Кардигану нужно было ошибиться и насмешливой судьбе подстроить дело так, что на пристань Атабаску явился так неожиданно тот самый Мак-Триггер, которого во что бы то ни стало нужно было спасти?!

Тяжесть этого сознания свалилась на Кента, точно гора. Но прошло несколько минут, и в Кенте снова загорелся огонь борьбы. Он был совсем не такой человек, чтобы сдаться так скоро. Опасность делала его храбрым до безрассудства, а он стоял сейчас лицом к лицу именно с величайшей опасностью для человека.

Первой его мыслью было открытое окно. Там, за этими зелеными лесами, уходившими вдаль, как морские валы, скрывались для него самые великие приключения. Раз очутившись там, он мог биться об заклад, что его не победит никто.

Радость зажглась в его глазах, но тотчас же погасла. Открытое окно было для него лишь насмешкой. Он сполз с кровати, постарался встать на ноги, но у него закружилась голова, он понял, что не прошел бы и десяти шагов. Но это ничего. Он выздоровеет во что бы то ни стало и все равно воспользуется этим окном. Вот только бы надуть доктора Кардигана и провести за нос Кедсти! Восстанавливая свои силы, он не скажет об этом ни одной живой душе на свете. Его задачей отныне будет до самой последней минуты разыгрывать из себя тяжелобольного, а затем вдруг неожиданно выздороветь и использовать для бегства это окно.

Он доплелся до окна и посмотрел в него. Бесконечный лес и блеск медленно текущей реки приобрели для него новый, неведомый дотоле смысл. Лицо у него пылало; глаза лихорадочно горели. Если бы его увидел в эту минуту доктор Кардиган, то мог бы поклясться, что у него опять началось повышение температуры. Кровь быстро пульсировала в нем при одной только мысли о тех приключениях, которые ожидали его впереди. Гончая станет лисцей, а этой лисце уже будут знакомы все замашки и увертки и преследователя и зверя. Он победит! Перед ним раскроется целый лесной мир, и он доберется до самого сердца этого мира. Ни один человек на всем свете не знал так хорошо всех закоулков этих неисследованных и еще не нанесенных на карту местностей, этих далеких и таинственных уголков *terra incognita*, неведомой земли, где солнце все еще всходило и заходило без разрешения английского закона и где природа радостно смеялась, как и в те далекие времена, когда доисторические животные срывали листья с верхушек таких же высоких деревьев, как и они сами. Только бы поскорее выздороветь, только бы набраться побольше сил для предстоящего пути, а там пусть его ищут хоть все законы мира и пусть ловят его хоть тысячу лет!

Он вернулся к себе в постель. Отпечаток волнения все еще оставался на его лице, когда к нему вошел доктор Кардиган.

Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы успокоить Кардигана, пострадавшего за последние сутки. Правда, в первое мгновение известие о том, что он останется в живых, смутило его. Но теперь положение приняло совсем другой характер. Как только Кент достаточно окрепнет, он тотчас же начнет собирать доказательства для установления своего алиби. Он уверен, что ему это удастся, и он докажет, что Джона Баркли убил не он, а кто-то другой.

Кент с чувством пожал доктору руку, поблагодарил за превосходный уход и уверил его в том, что не кто иной, как именно он, Кардиган, спас его от могилы, и Кардиган тут же, на его глазах, помолодел сразу на десять лет.

— А я думал, что вы иначе отнесетесь к этому, — сказал он со вздохом облегчения. — Боже мой, как только я понял, что сделал ошибку...

– Мы все, доктор, делаем ошибки, – ответил Кент. – И я тоже. И вам нечего извиняться. Вот только боюсь, что вам порядочно придется еще повозиться со мной. Какое-то странное у меня сегодня ощущение внутри. Боюсь какого-нибудь осложнения.

Внезапно выведенный из тяжелого состояния угрызений совести, Кардиган тотчас же пообещал ему обратить самое серьезное внимание на его болезнь, и это было тем психологическим приемом, на который Кент возлагал столько надежд. Когда доктор оставил его одного, он бесшумно сполз с постели и, преодолевая головокружение, встал на ноги. Затем сделал несколько глубоких вдохов. Против ожидания, болей не последовало. Ему даже захотелось крикнуть от радости. Он стал вытягивать руки, потом перегнулся всем корпусом, дотронулся пальцами до пола, откинулся назад, перевернулся, покачался с одного бока на другой, сам удивился своей силе и, прежде чем вернуться в постель, несколько раз взад-вперед прошелся по комнате.

После этих упражнений он легко вздохнул. То, что в нем еще кипела жизнь, привело его в восторг. Его охватил ничем не сдерживаемый оптимизм. Он заснул в этот вечер поздно и проснулся только на следующее утро, тоже поздно, когда вошел к нему с завтраком Мерсер.

– Я думаю, сэр, – начал Мерсер, искоса посмотрев на дверь и опасаясь, как бы его не подслушал стоявший по ту ее сторону часовой, – что вам интересно было бы послушать про индейца?

– Индейца?

– Да, сэр, индейца Муи. Он вчера вечером сказал мне, что нашел ту лодку, на которой девушка должна была спуститься вниз по реке. Он сказал, что она была спрятана в Кимс-Баю.

– Кимс-Баю? Превосходное место!

– Да, сэр, очень подходящее место, чтобы там прятаться. Как только стало темно, Муи отправился на наблюдение. Что там затем произошло, сэр, я не вполне понял. Но была уже полночь, когда он доковылял до хижины Кроссена весь в крови и едва стоя на ногах. Кроссен с сыном приволокли его к нам в больницу, и мне пришлось хлопотать около него до утра. Он все-таки сообщил, что девушка села в лодку и действительно уплыла. Вот и все, что мне удалось узнать, сэр. Но обо всем остальном он мямлил что-то на своем языке и я, к сожалению, не мог его понять. Кроссен говорит, что это был индеец, а Муи думает, что это выскочил на него в Кимс-Баю сам черт и отколотил его. Я не знаю, как это понять, сэр.

– А так понять, Мерсер, что там на часах стоял кто-то умнее нашего Муи.

Мерсер еще раз подозрительно посмотрел на дверь и затем низко склонился над Кентом.

– Когда я остался с Муи наедине, сэр, – сказал он почти шепотом, – то в его непонятном бормотании мог разобрать только одно имя. Он двадцать раз повторил его, сэр, и это имя было – Кедсти.

Кент схватил его за руку.

– Вы это сами слышали, Мерсер? – спросил он заинтересованно.

– Я не мог ошибиться, сэр, – ответил англичанин. – Он повторил его несколько раз.

Кент повалился на подушки. Ум его быстро заработал. Он знал, что, несмотря на все усилия казаться спокойным, Мерсер все-таки был взволнован тем, что случилось ночью.

– Этого никто не должен знать, Мерсер, – приказал он. – Если Муи так тяжело ранен, что может умереть, и если узнают, что здесь замешаны вы и я, то... Зорко следите за ним, Мерсер, и донесите мне о каждом пустяке. Если сможете, то постарайтесь разузнать о Кедсти что-нибудь еще. А теперь вот еще что: я страшно голоден сегодня. Если вы будете приносить мне вместо двух яиц по три, да еще будете угощать меня и ветчиной, то этим окажете мне большую услугу. Только о таком моем аппетите никому ни гу-гу! Это будет самое лучшее для нас обоих, особенно если Муи отправится на тот свет. Поняли?

– Я... я понял... – ответил, задрожав от страха, Мерсер. – Я... я все исполню, сэр, как вы приказали.

И он вышел.

Кенту показалось, что он правильно оценил этого молодого человека. С этого момента Мерсер будет для него верным неоценимым слугой и поможет ему претворить все его планы. По крайней мере, он так думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.